

Г

оворят, в Иране каждый второй или поэт, или почитатель поэзии. От века в этой стране богословие и философия, астрономия и медицина, государственное управление и природоведение были неотделимы от стихосложения и развивались и выражались в поэтической форме. В настоящее время стихами классиков персидской поэзии расцвечиваются выступления депутатов меджлиса и статьи ученых, проповеди богослужителей и телевизионные репортажи. Газелями Хафиза объясняются в любви, а притчами Руми разрешаются правовые и имущественные споры.

Вот и основатель Исламской Республики Иран имам Хомейни оставил поэтические произведения, набросанные в минуты отдыха от государственной и религиозно-философской деятельности. Говорят, он не собирался публиковать их и относился к ним как к духовным упражнениям, медитациям, традиционным для иранских мыслителей. Сборник стихов «Вино любви» («Баде-йеэшк»), собранный воедино невесткой имама Фатимой, увидел свет в 1989 году, после смерти автора. Впоследствии был издан более полный «Диван Имама» («диван» на фарси означает «собрание»).

Составители сборника «Баде-йеэшк» характеризуют творчество Рухоллы Мостафави Мусави Хомейни как «откровения мистика-по-

эта, фиксирующего свои состояния» и «отказывающегося от изощренной техники стиха и рифмовки». Сам он отзывался о своих стихотворных опытах как о «жалких подражаниях» великим мастерам классической персидской поэзии. Однако это — мнение автора, лишь свидетельствующее о скромности и высокой требовательности к самому себе. Поэтическое наследие Хомейни заслуживает пристального внимания уже потому, что лирика по своей природе является самым чутким отражением человеческой души, в этом смысле с ней не сравнится ни богословие, ни философия, ни тем более политическая деятельность. Недаром все великие духовные учения передавались в образном, поэтическом изложении, отражающем живую стихию духа, еще не застывшую в строгой рациональной форме. Хотя тех, кто надеется найти в стихах Хомейни биографические и исторические обстоятельства жизни и деятельности автора, ждет разочарование. В его «Диване» есть, конечно, поэтически зашифрованные намеки на политическую ситуацию, строки, навеянные некоторыми событиями, обращенные к родным, посвященные памяти сподвижников. Но не они определяют суть его лирики.

Восток, как известно, дело тонкое, открывается он не сразу. Вот и стихи Хомейни поначалу малопонятны — то кажутся слишком простыми, даже наивными, то излишне замысловатыми, перегруженными образами и смыслами. Возможно, кого-то удивит то, что под пером главы религиозной конфессии, строго осуждающей спиртные напитки, воспевается винопитие; что в стихах аскета, предписавшего женщинам-иранкам скромность, целомудрие и внешнюю закрытость, звучат призывы лирического персонажа к объятиям и поцелуям — но этому находится объяснение в поэтической традиции Ирана. Надо знать, что поэзия имама глубоко символична, и за образами земной красоты, любви и вина открываются иные горизонты и глубины, философское постижение Бога, сущности бытия и смерти.

Чадру долой, яви себя, не мучь насмешкой и лукавством!
Изнемогая от любви, в твоём лице ищу лекарство.

Я за руку тебя держу, не отпущу, и не надейся.
Мне легче сердце потерять, пойти на вечное мытарство.

Другие девы пред тобой, пред красотой несравнимой,
Как мошкara перед луной, уносит ветер их в пространство.

«Сгоревший от любви»¹

Основные темы поэзии Хомейни имеют суфийское происхождение. Суфий в странах исламского Востока — странствующий мудрец, дервиш, человек, сознательно избравший нищету, отдавший всего себя на пути к своему возлюбленному (т.е. Богу). Отсюда постоянные мотивы духовной любви, долгого пути, по которому идет поэт к своей главной цели — обретению абсолютной свободы в результате слияния с божественным возлюбленным, мотивы тщетности мирской суеты и рационального знания, символического опьянения «вином истины»:

Как к матери дитя, привязаны мы пуповиной
К Нему, кто жизнь творит, кто нас создал из глины.

Прекрасный лик Его мы видим сквозь сиянье.
Готовы жизнь отдать за дружбы миг единый.

Приблизиться к Нему пытаемся попойкой.
Но в чаше видим дно — и горек хмель полынный.

«Приближение Друга»

¹ Здесь и далее стихи имама Хомейни приведены в моих собственных переводах.

В персидской поэзии возлюбленную обычно именуют «кумиром», достойным поклонения, чувственным образом Божественного, которое скрыто от взоров именно по причине своего нестерпимого блеска. Красота утрачивает смысл, если нет созерцающей ее любви, — здесь уместно вспомнить концепцию Бога как сокрытого сокровища, которое пожелало быть познанным. Он являет себя ради того, чтобы зажечь любовь в человеческом сердце. Великие учителя любовного мистицизма, такие, как Ахмад Газали, Джалаладдин Руми и Фахруддин Ираки, рассматривали земную любовь как наставнический опыт, как упражнение в повиновении Богу, поскольку земная возлюбленная, подобно Богу, требует абсолютного повиновения. Руми сравнивает земную любовь с «деревянным мечом, который отец дает своему ребенку», чтобы ребенок овладел приемами боя.

Влюбленный и возлюбленная немислимы друг без друга — действия влюбленного целиком состоят из «нийаз» (просьб и вымаливания любви), тогда как возлюбленная вся сотворена из «наз» (лукавства, игры), за этой противоположностью скрывается единство любви. Концепция красоты, статичная по своей сути, полностью теряет смысл без восхищения и любви; возлюбленный нуждается во влюбленном, чтобы достичь полного совершенства.

Наиболее характерные термины, в которых описывается объект любви, — сияние, свет (*forugh*, *partow*), красота (*jamal*), совершенство (*kamal*). Причем такие характеристики даются не только Богу, но и «земному возлюбленному». Будь то женщина или мужчина, «земной возлюбленный» оказывается замещением, образом и подобием Бога, к которому, и только к нему, суфий испытывает подлинную страсть. Для описания кульминационного момента в «земной любви» используется термин *faṇa'* — «гибель, небытие», в суфийской философии обозначающий высшую ступень самосовершенствования. Все это подчеркивает сходство «земной» и «божественной» любви, их метафизическое единство. «Свидетельствование Бога в женщине полнее и совершеннее, — писал великий персидский поэт-суфий Руми. — Ведь Бог никак не может быть увиден вне материи». Иначе говоря, поэт должен уметь возводить свою земную любовь к ее божественному источнику, осознавать ее символический характер. Поклонение же прекрасному земному существу — необходимый элемент божественной любви и вовсе не является богохульством:

Луноликих красавиц не в силах я сторониться в саду!
Вот спешу, чтоб услышать волшебный их хор.

Жаль мне дервишей, показную не чту нищету.
Даровал Бог для жизни блистающий солнцем простор.

Шейх в лохмотья оделся — к чему он зовет, лицемер?
В одеянье любимой цветов парчовых ковер.

Смысла нет в поученьях не любящих свет.
Без сияния глаз Твоих дороги и я б не нашел.

Я с любимой сбежал от всех мудрецов в погребок,
Чтоб не слышать, не знать суетливой молвы приговор.

«От ложной мудрости беги»

По словам немецкого востоковеда Х. Риттера, мистическая любовь отличается от мирской тем, что в ней в сферу любовной жизни вовлекается трансцендентный, абсолютный объект. Благодаря этому ценность любви повышается настолько, что отныне для нее требуется главенство, более того, абсолютное господство над всеми другими душевными порывами. Действует такая сильная интенсификация и утончение эротической жизни, что любовь превращается в истинное искусство, виртуозы которого умеют почерпнуть и выразить все возможности душевного переживания и душевного эротического поведения.

Физическая смерть толкуется как самая высшая усиленная форма потери собственного «я». На исчезновение чувства собственного «я», даже сознания индивидуальности у влюбленного указывает знаменитый образ мотылька, который порхает в возлюбленном — пламени, за одно мгновение он становится пламенем и в смерти находит страстно желаемый любовный союз. Ахмад Газали (ум. в 1126 г.) — автор первого персидского трактата о психологии мистической любви, так описывает это: «И все это — летание и кружение вокруг пламени — для этого мига, когда он, может быть, войдет. И мы уже сказали, что это — собственный любовный союз. В течение какого-то времени бытие огня принимает его как гостя и затем быстро выводит его за дверь пепелища». У мистиков появляются образы растворения индивидуального существования мистического влюбленного в личности возлюбленного: капля исчезает в море, влюбленный сгорает от силы своей любви:

Птица, попавшая в силки, спалившая от зноя крылья,
Уж не взлетит, не запоет, добыча огненного царства.

К тебе, Возлюбленная, путь открылся в солнечной купели.
Чу, отправленья! Караван уж подгоняет ветер странствий.

«Сгоревший от любви»

Более высокая ступень любви заключается в отказе от всех эгоистических желаний в пользу возлюбленного, в желании которого растворяется собственное желание. На низкой ступени любви влюбленный — субъект желания, он хочет чего-либо; на высшей ступени он — объект желания возлюбленного. В начальной стадии любви влюбленный желает иметь возлюбленного для себя. Такой влюбленный сам себя любит посредством возлюбленного, ибо желает употребить возлюбленного для своих собственных целей. Но если начинается вспыхивать совершенная любовь, то влюбленный желает для возлюбленного себя и желает отдать ради него жизнь:

Мне опостытели дела, ученый разговор.
Перед сияньем глаз твоих все мнится ерундой.
Да, спятил я, но от врачей мне помощь не нужна.
Не променяю я болезнь на мудрость и покой.

Брожу по городу без сна, ищу к тебе тропу.
Друзья нетрезвые шумят, их окружен толпой.

Все, чем богат был, потерял, утратил стыд и ум.
Но только позови меня — предстану пред тобой!

«Городская слава»

Близость возлюбленного, хотя она и кажется влюбленному самым высшим счастьем, отнюдь не всегда является успокоительной и осчастливливающей. Истинное тождество все же не достигается с помощью внешнего соединения. Близость возлюбленного только усиливает страстное желание. Оно может успокоиться лишь путем полного устранения «я». Происходящие в душе события вблизи от возлюбленного подробно описывает Ахмад Газали в трактате «Саваних фи 'л-'ишк» («Откровения о любви»): «Любое страстное желание, которое может уменьшаться в результате любовной близости, является неправильным и смешано с поддельным. Любовная близость должна быть дровами для огня страстного желания. Страстное желание увеличивается от любовной близости. И это ступень, на которой влюбленный признает за возлюбленным совершенство и стремится стать с ним тождеством, и ничто не успокоит этой его жажды: ведь свое собственное бытие он ощущает как затруднительное»:

С тобою были мы вдвоем. Ночь коротка в раю!
Вчера невестой назвалась. Не пожалей, молю!

Мы ночь в объятьях провели. А что нам день сулит?
Как скоротать, чтобы ладонь не отпускать твою?

О, после уст твоих и рук рассвет жестокосерд.
Убрав завесу, вскрыв окно, пускаю я змею.

И шум молвы, и славы гром, хула и похвала —
Ничто меня не привлечет. На том стою.

Шираз подарят — не возьму. Зачем он без тебя?
И шахский трон не нужен мне, его я не ценю.

«Утро невесты»

Желание быть вместе с возлюбленным — примитивная первая ступень подлинной любви; истинный влюбленный находит свое счастье в том, чтобы быть целью изъявления воли возлюбленного, каким бы ни было содержание этой воли. Таким образом, разлука, которой жаждет влюбленный, является чем-то более высоким, чем жизнь вместе. Подлинная любовь требует полного отказа от всех эгоистических побуждений вплоть до отказа от своего «я»:

Пылью лечь у порога, слезами ступени омыть —
Вот о чем я мечтаю, когда любовь в мою душу нахлынет.

Путь я ей преградил, как разбойник, стерегущий добычу в долине.
Жизнь моя на исходе, а не встретил ее и поныне.

«В тоске по любимой»

Таким образом, лирика имама Хомейни показывает совершенные образцы связей между мирскими и сакральными идеями. Озаренный видением совершенной красоты, поэт, описывая свои любовные переживания, создавал произведения, отражавшие это чудо в небольших сверкающих, преломляющих свет фрагментах. Собранные воедино, они являют истинное сияние этой победоносной красоты. И, надо признать, никакой перевод не может отразить сложную игру блистательных символов, угадываемую за каждым словом, полустихием или стихом. Даже самое «земное» стихотворение, с бытовыми штрихами, удивляющее неподготовленного читателя нарочитой профанацией некоторых коранических слов и смыслов, обретает у имама отчетливый «религиозный» оттенок. Так бассейн во дворе мечети, отражая строение, умножает его красоту волшебным эффектом ряби или зеленоватым оттенком воды.

Пользуясь подстрочником, предоставленным Иранским культурным центром в Москве, еще в 2010 году я решился перевести на русский язык несколько избранных газелей из книги «Баде-йезшк». Переводы были опубликованы в журнале «Подъём» (2014, № 1), а затем перепечатаны во множестве русскоязычных изданий в России и за рубежом, что говорит об огромном интересе к личности и творчеству Хомейни. В этом году мне захотелось продолжить опыт вхождения в поэтический мир неординарного человека. Предлагаю новые переводы стихов имама.

ГОРОДСКАЯ СЛАВА

Я стал посмешищем молвы, для сплетников халвой.
Все говорят, что я ослеп, что ты играешь мной.

Играй, как хочешь, от себя ты только не гони.
Меня ты вытолкаешь в дверь — войду к тебе другой.

Мне опостытели дела, ученый разговор.
Перед сияньем глаз твоих все мнится ерундой.

Да, спятил я, но от врачей мне помощь не нужна.
Не променяю я болезнь на мудрость и покой.

Брожу по городу без сна, ищу к тебе тропу.
Друзья нетрезвые шумят, их окружен толпой.

Все, чем богат был, потерял, утратил стыд и ум.
Но только позови меня — предстану пред тобой!

ОТ ЛОЖНОЙ МУДРОСТИ БЕГИ

С кабацким владыкой старинный у нас уговор.
Ведь я завсегдатай его погребка с давних пор.

Вижу я, что друзья за вином здесь встречают весну.
Как отстану от них? На голову ляжет позор.

Луноликих красавиц не в силах я сторониться в саду!
Вот спешу, чтоб услышать волшебный их хор.

Жаль мне дервишей, показную не чту нищету.
Даровал Бог для жизни блистающий солнцем простор.

Шейх в лохмотья оделся — к чему он зовет, лицемер?
В одеянье любимой цветов парчовых ковер.

Смысла нет в поученьях не любящих свет.
Без сияния глаз Твоих дороги и я б не нашел.

Я с любимой сбежал от всех мудрецов в погребок,
Чтоб не слышать, не знать суетливой молвы приговор.

В ТОСКЕ ПО ЛЮБИМОЙ

В горячей тоске мечусь я, как ветер пустыни.
Мир бесцветен и чужд, если нет тебя ныне.

Сад иссох, смолкли птицы, цветы приуныли.
Вдали от любимой дыхание горше полыни.

Лицо твое — солнце. И вот оно скрылось за горы.
Как рассвета дожидаться, если сердце остынет?

Покоя мне нет, невольник я пред судьбою.
Щеки твоей родинка путь мне покажет в пустыне.

Пылью лечь у порога, слезами ступени омыть —
Вот о чем я мечтаю, когда любовь в мою душу нахлынет.

Путь я ей преградил, как разбойник, стерегущий добычу в долине.
Жизнь моя на исходе, а не встретил ее и поныне.

УТРО НЕВЕСТЫ

С тобою были мы вдвоем. Ночь коротка в раю!
Вчера невестой назвалась. Не пожалей, молю!

Мы ночь в объятьях провели. А что нам день сулит?
Как скоротать, чтобы ладонь не отпускать твою?

О, после уст твоих и рук рассвет жестокосерд.
Убрав завесу, вскрыв окно, пускаю я змею.

Эй, муэдзин, повремени! Прикончи петуха!
За голову его дурную я сто монет даю.

И шум молвы, и славы гром, хула и похвала —
Ничто меня не привлечет. На том стою.

Шираз подарят — не возьму. Зачем он без тебя?
И шахский трон не нужен мне, его я не ценю.

Индийцем все меня зовут. Из сказочной страны
Вернулся я, чтоб повстречать тебя, судьбу мою!

ПРИБЛИЖЕНИЕ ДРУГА

Как к матери дитя, привязаны мы пуповиной
К Нему, кто жизнь творит, кто нас создал из глины.

Прекрасный лик Его мы видим сквозь сиянье.
Готовы жизнь отдать за дружбы миг единый.

Приблизиться к Нему пытаемся попойкой.
Но в чаше видим дно — и горек хмель полынный.

Цветущий сад, поющий дол струятся ароматом.
И в этом тоже Он, любви наш друг старинный.

Сияющая красота миров не знает помраченья.
Не в силах выразить ее стихов напев невинный.

Познать не можем бытия ни цели, ни причины.
Способны лишь внимать Ему с восторгом беспричинным.